

Мария Некрасова

Чёртова миссия

*Часть сборника
Как я стал привидением
(сборник)*

Жуткая сказка на ночь

Мария Некрасова

Чёртова миссия

«ЭКСМО»

2008

Некрасова М. Е.

Чёртова миссия / М. Е. Некрасова — «Эксмо», 2008 — (Жуткая сказка на ночь)

«Все родители одинаковы. Они постоянно дают советы, что тебе делать и как себя вести. Они вешают на холодильник записки с ценными указаниями: «Вымой посуду, сделай уроки»; звонят с работы, чтобы дать дополнительные инструкции, а заодно проверить, дома ли ты (а если не дома, то изволь потом доложить: где был, с кем, чем вы занимались). И все это потому, что они, видите ли, за тебя беспокоятся: «Ну и что, что тебе двенадцать, мне уже тридцать шесть, а отец все равно встречает меня с работы»...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	8
Глава IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Некрасова

Чёртова миссия

Глава I

Жорка-предатель!

Все родители одинаковы. Они постоянно дают советы, что тебе делать и как себя вести. Они вешают на холодильник записки с ценными указаниями: «Вымой посуду, сделай уроки»; звонят с работы, чтобы дать дополнительные инструкции, а заодно проверить, дома ли ты (а если не дома, то изволь потом доложить: где был, с кем, чем вы занимались). И все это потому, что они, видите ли, за тебя беспокоятся: «Ну и что, что тебе двенадцать, мне уже тридцать шесть, а отец все равно встречает меня с работы»...

Но ни один родитель никогда не скажет: «Идешь гулять – бери бейсбольную битку (танк, пулемет или хоть Жорку-пса, фокс не фокс, а штаны порвать может)», – нет! Ничего подобного от них не услышишь! Они говорят: «Мой руки», «Чисти зубы», «Хорошо учись», «Не связывайся со шпаной» – и при этом считают, что уберегли тебя от всех на свете опасностей.

Я не жалуясь, я привык. К тому же предатель Жорж смотался куда-то в кусты, танка у меня нет, а бейсбольная битка не помогла бы. Шлем куда лучше, но у меня и его нет, и вообще, дурная это манера – ходить по улицам в шлеме.

Чуть белели в темноте заснеженные сосны, в сугробе раскорячился обледеневший скелет-скамейка. Фонарь был предусмотрительно разбит. Мы с другом Витьком, когда были мелкие, боялись ходить в этот уголок парка. Здесь, за шеренгами сосен, стоит старый-престарый особняк. Не особняк, а развалюха, не знаю, как он до сих пор не рассыпался. У него перекошенное крыльцо, обшарпанные стены и окна аркой. За одним из окон круглые сутки сидит старуха и смотрит, смотрит. Наверное, кого-то ждет или ей просто скучно, а телевизора нет. Она никогда не зажигает в комнате свет (только свечи), и вообще, говорят, странная. Мы с Витьком долгое время считали, что она ведьма, и старались подальше обходить особняк. Потом, конечно, выросли и перестали верить в ведьм, но этот уголок парка по-прежнему не любим.

Вечно Жорка затаскивает меня в самые темные и угрюмые места! Затаскивает и смывается в кусты, а я тут стой...

– Так ты не ответил!

– Что? – Шестеро охламонов, класса, наверное, из десятого (если они вообще учатся в школе), встав полукругом, прижали меня к ледяной скамейке. Я еще не понял: хотят ли они подраться или так, стреляют денег на пиво, и от этого было слегка неловко. Самый низкорослый, широкий, как топчан, снял со своей руки часы и сунул в карман.

– Повторяю вопрос для тупых: как ты относишься к чертям? – Во ненормальный!

– Ну-у... С уважением. – Почему я так сказал? Испугался, что ли? С другой стороны, почему он спросил? Псих или так, придушивается?

Развязка была неожиданной.

– Тогда купи чертенка! – Парень в кожаной куртке с заклепками (как не мерзнет?!) достал из кармана деревянную фигурку и сунул мне под нос.

Фигурка больно мазнула по зубам. Так вот ты какой, агрессивный маркетинг! А эти шестеро с фантазией: нет бы просто морду набить, деньги отобрать, они мне чертенка деревянного впаривают, гуманисты, блин! Пятясь, я встал ногами на скамейку, теперь самый высокий охламон был мне по грудь.

– Зачем он мне? Я уже сто лет в игрушки не играю.

– Мы, что ли, играем? – оскорбился кожаный.

Низкорослый с часами в кармане его поддержал:

– Мы, парень, тоже давно не играем. Купи сувенир, не тушуйся. Пятьдесят рублей всего.

Охламоны выжидательно смотрели на меня. А может, и не смотрели, а может, и не на меня: темно, ни черта не видно. Самым разумным, конечно, было бы купить эту несчастную фигурку и уйти. Только ведь фиг отпустят!

Я живо представил, как лезу в карман, достаю кучу мелочи и начинаю отсчитывать требуемый полтинник. Темно, кто-нибудь из охламонов обязательно подсветит мне зажигалкой. Подсветит, увидит: моей наличной мелочи хватит на полтора таких чертика, начнет набивать цену. Я, конечно, не соглашусь: договорились уже о цене, нечего больше торговаться! В результате мне набьют морду и отберут все, что есть. Или другой вариант: я лезу в карман, начинаю набирать полтинник, мне подсвечивают зажигалкой, кричат: «Что ты нам мелочь суешь?» Тоже повод для драки...

– Ну, не тормози! – кожаный раздраженно надел на меня. – Смотри, какой чертик! – И подсветил зажигалкой, чтобы я мог разглядеть. Чертик как чертик, с кокетливо закрученным хвостом и голливудской улыбкой. Следующим шагом я должен был либо отказываться, создавая повод для драки, либо лезть в карман и опять-таки... В общем, хочешь не хочешь, а получить по морде и лишиться всех денег сегодня придется. Если, конечно, не попробовать убежать...

Я как стоял на лавочке, так и сиганул рыбкой в толпу охламонов. Кого-то задел ботинком по башке, кого-то – по уху локтем, но приземлился удачно, в сугроб. Одним прыжком вскочил на ноги, крикнул кустам: «Ко мне!»... Получил по затылку и свалился обратно. Сразу двое уселись на меня верхом, третий, пнув для порядка по ребрам, принялся обшаривать мои карманы. Так и знал! Что ж, по крайней мере, я пытался убежать.

– Что за дети пошли! – ворчал третий, выгребая у меня мелочь. – К нему как к человеку, а он... – Возразить я не мог: меня прочно воткнули носом в снег, лежал молча, только отфыркивался. Далеко послышался лай: Жорка вылез наконец из кустов. Бегаешь небось, ищешь меня, а я тут валяюсь.

– Хорош! – Низкорослый пнул меня еще раз, и сразу стало темно и тихо. В щеку ткнулось что-то твердое, я поднял голову. Жорка-предатель нагулялся и теперь настойчиво звал домой, тыкая в меня деревянным чертиком.

– Брось! – Я поднялся на ноги. Жорж весело заскакал вокруг, не выпуская фигурку из рта.

– Брось, я сказал! – Фокс отскочил от меня и побежал вперед, мол, отбери. Щас! Я отряхнулся и побрел за ним. Паршиво, конечно, а что поделаешь?! Шесть охламонов – это вам не один и не два. И не чокнутый Жорж, который носится вокруг тебя с чертенком в зубах, ни черта не понимая сам.

Глава II

Благое дело

Фонарь под окнами разбили, и в комнате сударыни Ефросиньи было совсем темно. Письмо в жэк с просьбой призвать хулиганов к порядку она уже написала, только вот отправить никак не могла – некогда! С утра ныла спина, и сударыня Ефросинья до обеда пролежала в постели, игнорируя все свои дела. Потом полегчало, и она смогла пролистать несколько страниц «Славянской мифологии» и «Техник заговоров». Она любила полезные книги, да и как их не любить потомственной колдунье! «Техники заговоров», например, достались сударыне Ефросинье от бабушки («Мифология» была утеряна во время войны, пришлось долго искать-бегать по букинистическим магазинам). Как такие книги не любить! Как не любить свое фамильное дело! Еще Ефросиньиная бабка говорила: «Делай людям добро, пока можешь». Дар ведь на улице не валяется! Это сейчас, куда ни плюнь, попадешь в липовую колдунью. А было время...

Жаль, что разбили фонарь! Не сможет сударыня Ефросинья прочесть главу из книги, не сможет кому-то помочь. А клиент нынче капризный: повременишь с выполнением заказа, он ждать не станет, уйдет к липовой колдунье. Жаль человека. Он не виноват, что не может отличить настоящее от мнимого, подлинную колдунью от самозванки. А фонарь разбит! И до письма вот руки не дошли, детей, что ли, попросить отправить?

Дети в соседней комнате расточительно жгли электричество. На весь дом орал телевизор, и верхний свет был включен. Сколько уж сударыня Ефросинья с ними ругалась – все без толку. Несознательные люди, неэкономные, как жить-то будут?! Один внучков компьютер сколько электричества жрет! Этак и по миру пойдем через год-другой!

Сударыня Ефросинья встала, скрипнув пружинками старой кровати, достала из серванта две свечи. Очень уж хочется почитать! Сын купил ей вчера новые очки, да еще лупу в придачу – читай не хочу, все буквы видны, как двадцать лет назад. Вот только свечки зажжем...

– Мам Фрось, ужинать! – Невестка сунулась в дверь, ни тебе «здрассте», ни «до свидания»! «Мам Фрось, ужинать!» – и все. Кто ее воспитывал?!

Нет, к «маме Фросе» колдунья уже привыкла. В конце концов, это для клиентов она Ефросинья, да еще и сударыня (это нынче модно), а дома – можно и по имени. Пусть «мама Фрося», но поздороваться-то можно?! Вот обидится сударыня Ефросинья и не выйдет! Пусть приносит ей ужин в комнату, пусть извиняется за свое поведение, а не то... Впрочем, нет, невестка хоть и невоспитанная, а все-таки своя. Случись с ней что, колдунье самой придется себе ужин готовить, а она не уважает это занятие, да и здоровье уже не то. Пускай уж лучше невестка. Сударыня Ефросинья потерпит, ей не впервой.

А вот хулиган, разбивший фонарь под окном... Безответственная молодежь пошла, вандалы какие-то, а не люди. Но ничего-ничего. Колдунья уже придумала, как научить их уму-разуму. И придумала, и дело сделала, будет хулиганам веселая жизнь, научатся вандалы ответственности!

Научатся! Колдунья как представила, даже ладони потеряла от радости! А если сабж (ну вот, нахватались внуковых словечек!) в хорошие руки попадет, то быстро назад вернется. Такая вещь хорошему человеку не нужна, у него своя совесть есть. А неразумные да безответственные пускай побалуются. Поучатся уму-разуму. Конечно, никто не заплатит за эту работу, ну да благие дела всегда задаром творятся.

Сударыня Ефросинья положила на тумбочку «Техники заговоров» и пошла на кухню. Вернется – почитает.

Глава III

В темноте

Нос не разбит, одежда цела, фигурка у Жорки отобрана и сунута в карман – мать ни о чем не догадается. Ну и хорошо, расспросы типа «Да что?», «Да как?», «А ты?», «И чего тебя туда понесло?» – мне не нужны. В прихожей было темно, на тумбочке разрывался телефон. Я взял трубку.

– Саня? – мать, веселая, как не с работы, пыталась перекрыть музыку, которая лилась из трубки. – Я тебе с утра забыла сказать: мы на дне рождения у тети Наташи, будем поздно.

– Поздравь от меня.

– Конечно. Все, пока, тут не поговорить. – По уху резанули ударные: да уж, не поговорить.

– Пока.

Значит, я сегодня один. Что ж, включим компьютер и попробуем наслаждаться жизнью. Я налил себе чаю, плюхнулся в кресло, включил машину.

Этот флеш-мультяшник я рисую уже третий месяц. Витька надо мной ржет: «Это, – говорит, – будет дело всей твоей жизни. Закончишь лет через пятьдесят, не забудь пригласить меня на презентацию». Я спрашиваю: «А на столе станцуешь?» А он: «И станцую, и спою, если ты когда-нибудь закончишь этот мульт». Иногда я ему верю и с удовольствием представляю, как мы, два беззубых старикана, танцуем и поем на столе в каком-нибудь банкетном зале, а наши друзья, тоже старики и старухи, ржут над приключениями диплодока Стасика.

Диплодок Стасик – это мой герой. В смысле, герой мультяшки. Он вообще-то хороший, но думает то головой, то попой, потому что у него два мозга: и там и тут. Отсюда все проблемы. Скажем, в первой серии он, как порядочный динозавр, охраняет замок с принцессой, который постоянно атакуют то рыцари, то враги-иноверцы. Только Стасик никак не может разобраться, кого от кого охранять? Рыцарей от иноверцев? Иноверцев от принцессы? Принцессу от замка? И делает глупости. А во второй серии... Честно говоря, вторую я еще не придумал. Мне бы первую дорисовать, а то Витька надо мной ржет...

Монитор мигнул, показав на прощание умную попу диплодока, и погас. Заодно погас верхний свет и холодильник на кухне, кажется, перестал работать. Пробки вырубил.

Ну это мы мигом. Нашарим в столе пассатижи (щиток с пробками надежно заперт на скрученную проволоку), на тумбочке нащупаем ключи (и в прихожей свет не горит, видно, все вырубил), выйдем на лестничную площадку – и здесь темно. Может, не в пробках дело?

Копаться в щитке, когда собственных рук не видишь, мягко говоря, затруднительно. Пришлось вернуться к тумбочке в прихожей. Где-то здесь у отца была дежурная свечка для таких случаев. Я вынул ящик и долго шарил в нем, прежде чем убедился: свечки нет.

Ладно, спичками обойдемся. Пройдем на кухню, опрокидывая встречные табуретки, найдем на столе коробок... Пустой. Ничего, нам нетрудно, второй найдем... Из второго коробка выскочил таракан, большой, черный, даже в темноте видно. Пробежал по моей руке и спрыгнул на пол. В дверь постучали – открыто же! Должно быть, у соседей тоже вырубился свет, и дело не в пробках. Бросил дурацкий коробок, пошел в прихожую... Никого. Дверь открыта, с лестницы в прихожую плывут клубы темноты.

Натурально! Черные клубы, как дым, заплывают с лестницы в мою, без того темную, прихожую. Эй, пожар, что ли? Нет, запаха гари не чувствуется...

Первое, что я сделал, это захлопнул дверь. Темнота рассредоточилась по прихожей, и ее уже нельзя было различить. Хорошо. А со светом-то что делать? Я снова принялся обшаривать все вокруг: не может быть, чтобы не было свечки. В темноте я мог различить только собственную тень, мелькающую в зеркале, поэтому действовал на ощупь. Тумбочка, ключи,

расческа, записнуха, отвертка, зеркало, пальто, пальто, чья-то волосатая грудь, куртка, чья-то волосатая рука...

Нет, перчатка из кармана торчит... Фигушки – рука. Я потянул за палец, и он вырвался, как живой. Шаркнула ткань – спрятался. Так, я не псих и не пьяница, у меня в прихожей чертей нет, сделаем вдох и ощупаем вешалку еще раз... Пальто, пальто, куртка. Так-то лучше.

В зеркале мелькнула тень – нормально, это моя. Ну и что, что я стою спокойно, а тень маячит туда-сюда! Это качаются-перемигиваются фонари за окном комнаты, их свет немного отражается здесь, в зеркале прихожей, вот и получается, что тень маячит. Нам свет сегодня дадут или как?

Что-то гроыхнуло на кухне. Спокойно, это Жорка пошел на штурм холодильника. Конечно, я же его не покормил!

– Ща все будет, пес! Только не буянь! – Я развернулся, чтобы пойти на кухню, и тут с грохотом в прихожей упала вешалка. Должно быть, я слишком энергично ее обшаривал, вот и не выдержала. Подобрать? Ладно, потом. Все равно возиться-прикручивать в темноте не буду.

Жорка действительно был на кухне. Только он не кидался на штурм холодильника. Откровенно говоря, он стоял на столе, широко расставив лапы, и мелко трясся.

– Эй, ты чего? Кыш со стола, свинья ты, а не собака!

Жорка не среагировал, разбаловала его мать. Ладно, я не гордый, я и по шее могу... Ноль эмоций.

– И чем тебе на столе намазано?

Жорка, понятное дело, не отвечал, только стоял, трясся и перепуганно таращился на пол. Я проследил за его взглядом – ничего.

– Мышку, что ли, увидел, отважный охотничий фокс?

Ладно, собаки в темноте видят лучше людей. Опустимся на колени, пошарим руками по полу... Ничего!

– Хватит дурака валять! – Я спихнул Жорку со стола, и он тотчас ретировался из кухни. Ну и пожалуйста, не хочешь есть – не надо. Сумасшедший вечерок! А света все нет... Фонарик, что ли, поискать? У отца вроде был, в кладовке.

В комнату проникал свет уличных фонарей, так что кладовку-то я нашел без труда. Без труда нашел, без труда открыл и без труда получил в объятия огромную волосатую тварь!

Шуба мамина старая, только почему у нее глаза в темноте светятся?! Пуговицы. Дайте свет, а то так и зайкой стать недолго! Шубу я повесил на дверь и стал обшаривать полки. Фонарик должен быть где-то недалеко... Бум! Шумно захлопнулась дверь кладовки, и я оказался в полной темноте. В спину уперлась злополучная шуба. Так, спокойствие, только спокойствие! Это все сквозняк, я не закрыл входную дверь. Или закрыл? Закрыл, точно помню. Только не запер. Значит, она открылась сама или кто-то пришел. Я пнул дверь кладовки (конечно, поддалась, она ведь на обычную щеколду закрывается), вышел в коридор. Дверь закрыта. Подергал – заперта. Наверное, не дверь открылась, а окно. Хотя они вроде заклеены...

Ладно, какая разница, я фонарик искал! Надо вернуться в кладовку. Пройти через комнату, мимо окна и шубы, сидящей на стуле, гордо закинувшей ногу на ногу... Эй, какие ноги у шубы?! И что она здесь делает?! Подошел посмотрел – показалось. Просто стул у окна – и все. Так, срочно ищем фонарик, а то и с ума сойти недолго...

И тут дали свет.

Глава IV

Ночные пляски

Люстра, компьютер, холодильник – все включилось сразу, я даже вздрогнул от неожиданности. Говорящий разумный зад Стасика, который я так тщательно прорисовывал, пока не вырубилась машина, безвозвратно погиб. Ладно, не страшно, скорее всего, я бы его сам удалил – неудачный был зад. Я новый нарисую, получше.

Вешалку я прибил, покормил Жорку, с чувством выполненного долга развалился перед телевизором. Уф! Что-то я нервный стал, уже и электричеству вырубиться нельзя, чтобы я не начал бояться собственной тени. Безобразие! Включу себе ужастика и буду смотреть. Включил и смотрел до полуночи, а потом...

Проснулся я от ударов в бубны и визга свирелей. В комнате играла музыка, да громко так! Отец правду говорит: ночью по телику всегда показывают ерунду. И вот, пожалуйста: концерт народных инструментов... Не открывая глаз, я шарил по подушкам в поисках пульта: нет, нет, ага, вот он... Нащупал выключательную кнопку, благо она отдельно от остальных, нажал... Музыка не прекратилась. Вдобавок к ней послышались крики, смех... Ну вот, я уже и пультом управлять не могу с закрытыми глазами, придется открыть...

Я чуть не завопил, но вовремя сдержался. Телик стоял себе выключенный, кнопку я нащупал правильно. А посреди комнаты горел костер...

Ярко так полыхал, странно, что я не заметил сквозь закрытые веки и не почувствовал жара. Жаром меня сразу обдало, так что захотелось под ледяной душ. Кончик пламени цеплялся за люстру, лопались лампочки, фейерверком брызгали в комнату их осколки. Горсть посыпалась прямо на меня, я даже не вскочил отряхнуться.

Окна не было. Вместо окна был лес: глухой, непролазный ельник уходил далеко-далеко за пределы комнаты, двора, а может, и улицы. Папиного кресла – тоже не было. Был вместо него грязный цыганский медведь в наморднике с цепью на шее. Он мотал башкой и рычал в такт музыке. А под музыку через костер прыгали черти.

Или бесы, кто их разберет! Черные, мелкие (мне по пояс, не выше), с кокетливыми кисточками на хвостах и со свинячьими копытами. Они визжали, кажется, даже пели не по-русски и, танцуя, парами прыгали через костер. Половина чертей (или бесов?) была в венках и вышитых юбках, вторая половина прыгала так. Ничего себе развлекашечки в городской квартире! Может, я еще сплю?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.